

П. М. СТРОЕВ

**Пятое письмо к издателю
«Московского вестника»**

Заставьте журналиста поклясться именем Феба и всех муз: не отравлять своего журнала пристрастием.

Московский телеграф. 1825. № 1. С. 16

В мае 1818 года, окончив разбор и опись разных монастырских книгохранилищ Московской епархии, по воле покойного государственного канцлера графа Н. П. Румянцева, я приехал в С. Петербург. С кипю исторических документов, мною найденных, и с замечаниями на некоторые места Истории государства Российского (только что вышедшей), я предстал бессмертному творцу ее, коим был обласкан еще до переселения его из здешней столицы. Как юноша робкий, малоопытный*, я не постигал всего величия души гениальной; думал, что указывать ошибки значит то же, что оскорблять личность: а потому недоумевал, каким образом предъявить мои находки и замечания. К счастью, великий муж сам вывел меня из замешательства, спросив: что у вас в этой связке? Я отвечивал, что привез новые материалы, мною найденные. Взор его тотчас показал мне внимательное любопытство: он терпеливо просмотрел бумаги; а я, ободренный неожиданным снисхождением, начал высказывать мои замечания на Историю. Тогда внимание историографа усугубилось: он возражал, входил в подробности, соглашался, писал карандашом (на белой странице одной из моих тетрадей) и в заключение, благодаря за одолжение, просил оставить принесенное на несколько дней и вспомнить: не имею ли еще ка-

* Мне было тогда 22-й год.

ких замечаний? Никогда не изгладится из моей памяти сия ласковая, усладительная беседа великого историка со мною, юношею, едва вступившем на поприще археографии. Чем же сие кончилось? Чрез несколько дней историограф прислал за мною: возвратить бумаги, оставив некоторые (пообъемнее) для списания; многое, с моих слов, вытребовал из Архива Коллегии Иностранных дел и исправил места, мною критикованные. При появлении второго издания Истории государства Российского я увидел, в разных местах Примечаний, и акты, мною сообщенные, и благодарность за мою благосклонность. Возвращая остальные бумаги ко мне (в Москву), великий муж заключил свое письмо* так: «Всякое замечание ваше для меня любопытно; за все скажу вам спасибо — а всего более за ваше доброе расположение». Сие письмо я сохраняю как драгоценность.

Бывая потом в С. Петербурге, я всегда являлся к историографу с гостинцем: с новыми документами, выписками или замечаниями. В 1824 году, соглашаясь на мое предложение составить алфавитный указатель к Истории, первым требованием его было следующее: «Пожалуйте замечайте ошибки; вам они будут виднее, нежели мне» Я так и сделал: все, что казалось мне неточным, писал в тетрадь (вскользь и сокращенно), предполагая впоследствии привести мои замечания в порядок и представить их великому мужу, который, своим снисхождением и ласкою, умел привязать меня к себе всею душою. Но Провидение устроило иначе. В мае 1826 бессмертный отошел в вечность; а мой указатель был еще в половине. Но я продолжал записывать, и тетрадь остается в моих бумагах.

Книжка вашего Журнала (№ 19 и 20) с умными и убедительными замечаниями на Историю государства Российского г-на Арцыбашева, где также упомянуто, что г. профессор Каченовский приготовляет печатать свои, возбудила мой всегдашний порыв к истине: я вспомнил о своей тетради и принялся было приводить ее в порядок, для помещения в вашем же Вестнике. — Как жаль (думал я), что бессмертный теперь не с смертными. Каким удовольствием исполнилась бы великая душа его, при появлении вдруг стольких замечаний на его колоссальный труд: когда он, с таким вниманием и любопытством, принимал некогда поправки малоопытного юноши!

Заботы и занятия, меня обременившие, скоро отвлекли мое внимание и от моей тетради, и от замечаний г. Арцыбышева.

* Из Царского Села, от 29 авг. 1818.

Только стихо-прозаическая * *Быль* (в № 19 «Москов<ского> Телеграфа») несколько стародавняя, в коей великому историографу приписан Ираклов подвиг: изгнания сов из каких-то развалин — меня позабавила. Но я не мог воображать, чтобы эта былая небылица превратилась в сигнал восстания (на гг. Арцыбышева, Каченовского и вас) *Московского Телеграфа* (№ 20. С. 488) и *Северной Пчелы* (№ 146—148), а быть может, и других подобных исполинов. Явление впрочем не странное в нашей партизанской литературе!

Как? — Великий историк стремился к одной великой цели: Истине; внимательно и с ласкою выслушивал замечания на свой труд, коего не признавал чуждым ошибок; охотно выправлял его, по дельным указаниям, платил за сие благодарностию. А защитники-самозванцы, мнимые читатели его гения? Они выходят из себя от нескольких удачных поправок; готовы поразить проклятием и автора, и журналиста, их поместившего, и, в бессилии гнева, формируют *Ареопаг*¹ сов из ученых, коим великий муж не преминул бы явить знаки своей признательности и благодарения! Такая услуга не напоминает ли одной из басен Крылова?

Если ученый исследователь, двадцать пять лет посвятивший на тяжелый труд критического свода летописей (каков г. Арцыбшев) — сова; если трудолюбивый профессор, в двадцать лет своей службы развернувший не один археологический талант (каков г. Каченовский) также сова и журналист, руководимый любовью к истине и непричастный уделам партий (каким почитаю вас), не более совы — и все от нескольких замечаний, помещенных в «Московском Вестнике» на Историю государства Российского — то к какому разряду птиц причислить меня, который, с юношеских лет, критиковал ее, пред самим творцом, в его кабинете?

Но кто сии, чересчур услужливые оппоненты? — Один писал стихи и острил задним числом; ** другой объявил себя знатоком Санскритского языка и миллионером невестественного капитала; третий поставляет переводы одной журнальной компании. — Где ж их труды археологические? На чем они основывают право быть судьями в великом деле отечественной истории?

* Кажется, автор недоумевал: все ли поймут его остроумный вымысел? А потому к 24 стихам присоединил 23-строчное пояснительное примечание, где соль аттическая заменена желчью нетерпимости.

** См. *Москов<ского> Телеграфа* № 13 стр. 134.

Не уstraшайтесь, г. журналист, терний на пути вашем к Истине. Продолжайте любить ее, как любил великий муж, которого тень (без сомнения) помавает мне в знак одобрения. Поместите в своем издании *все* замечания г. Арцыбышева; убедите г. Каченовского напечатать свои * и не отриньте моих, когда, из Мезени, Соловков, Чердыни или Кунгура я удосуужусь их к вам доставить.

Что же делать с остряками задним числом и теми высокопаривыми орлами, кои, сидя на пне и хлопая обитыми в неровном бою крылами, воображают, что они небесные громовержцы? — Оставим их в покое.

Разве не адресоваться ли к обладателю невестественных миллионов: чтобы он, обще со своими сооппонентами, пригласил еще достойного виртуоза и составил *квартет*, для аккорда славянским и варяго-росским песням нашей *совиной кадрили*?

Ваш, *ut in literis* *

П. Строев.

Декабря 15, 1828².

* Я не так выразумел слова г-на Каченовского, на которых основываясь, сделал объявление в 19 и 20 № «Моск<овского> В<естника>» (см.: В<естник> Е<вропы>. № 21): «Можно и должно, — объясняет их теперь г. К<аченовский>, — писавши об истории, которая никогда не стареет, иметь в виду преимущественно творение знаменитого историографа, как новейшее других, богатое указаниями и выписками». (Прим. М. П. Погодина.)

** как обычно пишут (*лат.*).